

ВОЛОВИК

СЮЖЕТЫ

СТИХИ

Издание второе

Москва
ИД «ВРУЧНУЮ»
2016

В этой книге собраны, в основном, сюжетные произведения Александра Воловика. То есть такие, в которых не описываются всякие там лирические «взгляд и нечто» и/или чувства автора, а рассказывается какая-нибудь история. Чаще всего в стихах.

Первым изданием книга вышла в серии «32 полосы» издательства «Нюанс» в Таганроге в 2014 г.

© А.И.Воловик, текст, 1967 – 2008

© Издательский дом «Вручную», 2016

Сетевые ресурсы автора:

<http://poezia.ru/user.php?uname=Volovik>

<http://stihi.ru/avtor/volovik>

a-volovik@yandex.ru

alexander.wolowik@gmail.com

ИСТИНА

(сказка)

*У меня подружка Капа –
девушка приличная.
У неё профессор папа
знает, где первичное.*
Эпиграф

Однажды к доктору философии X приехал зарубежный оппонент Y. Они сидели во дворе дома, за зелёным столиком, где мужья вечерами забивают «козла».

– Видите ли, в чём здесь дело... – говорил доктор философии на чистейшем иностранном.

– Я Вас прекрасно понял, – отвечал оппонент ещё чище, – но Вы не учли того, что...

Они спорили о Материи.

А рядом играли дети.

Из гусеницы, – говорила Наташа, выгребая песок обеими руками, – вылупливается настоящая бабочка. А кошки никогда не спят и всё видят.

– Да, – сказал Вадик, – вот у нас была собака...

– На бедняг позитивистов все собак вешают, – говорил зарубежный оппонент, – а между тем, по Карнапу Вселенная существует реально. Да возьмите хотя бы Пуанкаре или того же Маха...

– Мальчишница! Мальчишница! – закричала толстая Верка, показала Наташе длинный нос из пальцев и убежала за угол прыгать через верёвочку.

– Ваш Беркли, – говорил профессор медленно, – жил три века назад. Он же не мог предвидеть...

– Не три, а два! – живо возразил оппонент.

– А откуда выходит король, – сказал Вовка и сделал куличик перед одним из отверстий. Дворец был великолепен. В нём было множество входов, выходов, тайных галерей и переходов.

– Но Маркс, – говорил профессор, подняв указательный палец.

– Позвольте, позвольте, – перебил его оппонент, – а Шопенгауэра-то позабыли!..

– Т-rrrrrrr! – вдруг закричал Сережка и стал носиться вокруг песочницы, расставив руки как самолёт. – Бум! – он сбросил на дворец атомную бомбу (это была половинка кирпича).

– Но отрицание отрицания отрицания приводит к непримиримой борьбе, каковая легко может перейти в **войну!!!** – испуганно крикнул оппонент.

– И очень просто! – воодушевился доктор философии Х.

– Война объявлена! – закричал Витька, – Первый подъезд, слушай мою команду!..

Извиняясь, поднялся доктор философии: «Не пройти ли нам в сквер, там тише...»

Ушли.

– И я хочу в войну! – сказала Наташа.

– Девчонок не берём! – отрезал Витька, – Пошли, ребята, в разведку!

– Подумаешь, какой! – сказала Наташа, – я ещё лучше вас всех в войну умею. И лучше Вадьки, и лучше Тольки, а уж лучше тебя-то и подавно...

– Лучше меня?! Да ты стрелять-то не умеешь! Вот: та-та-та-та-та-та-та. Это пулемёт. А вот это винтовка: тах! Тах! Тах!.. – Ага, что? – Поняла?!!

– Ну и что! Зато я могу быть самолётом. А ты хулиган. Я видела, как тётя Варя гналась за тобой по газону, когда ты разбил окошко в высотном доме напротив.

– Не болтай! – обиделся Витька, – это был Генка Карпов, а мы с папой пускали змея в сквере около почты. Мой папа – научный профессор, он почти что уже академик, и он знает про всё, про что хочешь. Он даже знает про корень, в который надо смотреться, и я скоро тоже узнаю, когда буду большой, как папа.

(В окошке Витькина мама слушала, улыбаясь.)

– А он знает, – спросила Наташа, – как у пластмассовой куклы починить поломанный глазик? Её даже в ремонт не взяли...

– Знает, – ответил Витька, – но ему это неинтересно. А ещё он знает про змея – почему он летать умеет, а человек не может. Я тоже знал, но не помню. И вообще – не мешай, я занят. Все наши давно в разведке (но все ещё были рядом).

– Подожди! – закричала Наташа, – ну возьмите меня самолётом! Мне даже лётчик не нужен! Я вчера и сегодня ночью во сне летала и запомнила, как надо делать! Я могу высоко подняться, выше нашего дома... Ну, возьмите меня самолётом!

– Врёшь! – закричали ребята.

А в это время на зелёной скамейке в сквере с тростями, упёртыми в подбородки, спорили два философа.

Один был материалист, а другой – идеалист.

– Видите ли, в чём здесь дело... – говорил первый на чистейшем инопланетном.

– Я Вас прекрасно понял, – отвечал второй ещё чище, – но Вы не учли того, что...

Они спорили о Сознании.

– Есть ощущение. – говорил философ, – Резцами слов надо высечь из его каменной толщи бессмертный шедевр мысли!

– Вы мистик, коллега, – заметил ему оппонент. – Язык это средство общения – ни больше, ни меньше! Своим ощущением Вы только притронетесь к вещи, но ВЗЯТЬ её словом!.. Тут нужен, пожалуй, пинцет. А то и домкрат... – Ваша мысль невозможно цинична, – прервал его доктор, – в ней Истины нет ни на грош!.. Листва шелестела, и день был на редкость хорош. Философы в сквере казались живым парадоксом... Но спор продолжался.

– Лишь к Истине должно стремиться!.. – профессор размахивал тростью, как Дон–Кихот деревянным мечом.
– Что есть Истина? – вопрошал зарубежный оппонент,
– поиски Абсолюта? Ночные бдения Галилея и Леонардо? Взлёт мысли Галуа и Эйнштейна?.. Или, может быть, каравеллы Колумба? Или – топоры санкюлотов и робеспьеров??. Вздор! Энтропия растёт, приближая кончину Вселенной. Жухнут и тлеют цветы, обожжённые взрывом урана. Радость познания мертва. Истина – непостижима.

Тут оппонент замолчал, лысину вытер от пота (изысканным жестом) и, описав полукруг грациозным движением руки, поднял голову, нервно любуясь облачком белым, прозрачно прикрывшим палящее солнце.

И вдруг он увидел такое!

Что вздрогнул!

Что встал!

Что беспомощно челюсть отбросил подбородком на бежевый галстук (и при этом лицо его преобразовалось *аффинно**)

– Мамочка! – закричал он на чистейшем межгалактическом и протёр пенсне.

Он увидел –

КАК
НА ВЫСОТЕ ШЕСТОГО ЭТАЖА
В РАЗВЕВАЮЩЕМСЯ ПЛАТЬЕ
ХОХОЧА
И МЕДЛЕННО ГРЕБЯ РУКАМИ ВОЗДУХ
ПРОЛЕТАЛА ДЕВОЧКА!!!
И ИЗ СИНИХ ГЛАЗ ЕЁ
ВОСТОРЖЕННОЕ
ВЫПРЫГИВАЛО
СОЛНЦЕ!!!!...

---

* *Аффинные преобразования позволяют перемещать, вращать, а также равномерно сжимать и растягивать геометрические фигуры*

И прохожие остолбенело задирали головы и, подобно рядовым при встрече с генералом, чётко, как по команде, поднимали ко лбу ладони...

И когда это стало известно миру, и на Западе упали акции автомобильных заводов, и (ихний!) Главный Конструктор повесился на подтяжке, поняв что всю жизнь напрасно занимался сопроматом...

В это самое время Наташа, благополучно приземлившаяся во дворе своего дома, показала язык мальчишкам, (а они уже перестали играть в войну), а потом убежала домой.

А философы в сквере уже ни о чём не спорили. Они молча и хмуρο из гранёных кружек тянули тёплое пиво.

И головы их по-прежнему упирались подбородками в трости.

А вечером к Наташе нагрянули было гости – разные репортеры, дети, соседи любопытные, но мама их всех повыгнала, потому что Наташа уже спала и не знала, что она миру дала.

И мир засиял, преображённый. Школьников освободили от занятий. Генералы перековали ракеты на ночные горшочки. Философы забросили сначала первичное, а потом и вторичное, и занялись выращиванием бород: одни как у Маркса, другие как у Платона. Бороды получались рыжими, клочкастыми, но удивительно одинаковыми.

Физики перестали бояться метафизики, и старый практик-анакорет Ероха Накитка, улыбочиво раздвигая седые усищи, долго ползал под кроватью и наконец достал *оттудова* ржавую консервную банку, из которой он давно уже тайно начал создавать

ПЕРВУЮ В МИРЕ МАШИНУ ВРЕМЕНИ.

И всё это потому, что **В НЕБЕ
НА ВЫСОТЕ ШЕСТОГО ЭТАЖА
В РАЗВЕВАЮЩЕМСЯ ПЛАТЬЕ
ХОХОЧА
И МЕДЛЕННО ГРЕБЯ РУКАМИ ВОЗДУХ
ПРОЛЕТАЛА ДЕВОЧКА!!!**

**И ИЗ СИННИХ ГЛАЗ ЕЁ
ВОСТОРЖЕННОЕ
ВЫПРЫГИВАЛО
СОЛНЦЕ!!!!..**

Вернее, не поэтому,

а потому,

что в *ЭТОМ*

была

ИСТИНА!!

1967

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Век мой, ты у Времени бредёшь в хвосте.
Нынче наступили времена не те.
Выродились рыцари. А между тем –

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ РАСТЁТ В ТЕМНОТЕ!

Чёрное Чудовище растёт в темноте.

Чёрное Чудовище – четыре хвоста.

Чёрное Чудовище – конец мечте.

Чёрное чудовище – ПУСТОТА!

Где тот рыцарь – саженных плеч,
что поднимет саженный меч,
что обрубит все хвосты
самозванцу Пустоты?!..

И день прошёл
оттикал час
и телефон
отговорил

секунды стре-
лок тянут нас
в пролёты лест-
ничных перил
сомнанбули-
чески покор-
ны мы живём
во власти их

висит над на-
ми как топор
тяжёлый ма-
ятник стенных
часов...

но есть
последний миг,
стоящий стро-
го на черте.

и где-то в нас
родится крик:

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ РАСТЁТ В ТЕМНОТЕ!

Чёрное Чудовище растёт в темноте!

Чёрное Чудовище – о трёх головах!

Чёрное Чудовище – конец мечте!

Чёрное Чудовище – гибель и страх!

Где ж тот рыцарь, безвестный друг,
что согнёт богатырский лук,
не жалея тетивы
против каждой головы?..

Нас ведёт за ручку Время
час за часом, день за днём.
Мы, как женщины в гареме,
вечно очереди ждём.
Нас, как их, хранит и *ревнит*,
и на лица гонит старь
безобразный старый евнух
под названьем Календарь.
Мы беспомощны и немые.
Потеряли мы покой.
Только знаем мы, что темень
притаилась за спиной.
Только знаем, что́ готовит
нам мгновенье на черте,
и что –

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ РАСТЁТ В ТЕМНОТЕ!

Чёрное Чудовище растёт в темноте!

Чёрное Чудовище – без рук, без глаз!

Чёрное Чудовище – конец мечте!

Чёрное Чудовище – радость в грязь...

Где же тот рыцарь, отвага чья
в цель направит удар копья,
что покончит с темнотой –
страшной, чёрной и пустой?!..
Рыцарь! Князь! Царевич! Витязь!
Отзовитесь! Отзовитесь!

Отзовитесь!.. Где вы? Где?..
Помогите нам в беде!
Жутко нам. Бессильны мы.
Нам так плохо – хоть кричи.
Дозарезу нам нужны
Ваши острые мечи.
Нам безмолвен каждый час.
И бессмыслен каждый день.
Раздавило Время нас.

И –

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ РАСТЁТ В ТЕМНОТЕ!

**Чёрное Чудовище растёт в темноте!
Чёрное Чудовище – из пасти огонь!
Чёрное Чудовище – конец мечте!
Чёрное Чудовище – страшный сон...**

Где же вы, рыцарь, витязь, князь,
что войдёте к нам – смеясь,
и – легко махнув рукой –
возвратите нам покой?!..
Отвечает рыцарь: «Нет!
Меч мой – не от ваших бед.
Вашим бедам нипочём
не помочь моим мечом.
Я умею бить Кощея,
великана и злодея –
тех, кто, права не имея,
но пленив прекрасных дев,
духа нищие пигмеи,
им свернуть готовы шеи...
Ваше чудовище страшнее,
души в траур вам одев.
Необъятно, бестелесно,
не проткнёшь его копьём,
для стрелы не сыщешь места
и клинок увязнет в нём...

Царь забот и развлечений,
властелин координаты,
ходит Время, точно гений
выступлений на канате.

Время мчится, как ракета,
как премьер в автомобиле,
то одних ведёт к расцвету,
то других ведёт к могиле,
то меняет стиль одежды,
то меняет стиль правленья,
то поманит вас надеждой,
то отравит вас сомнением...»

*...И с этими словами
появившийся было рыцарь исчезает.*

1966

(От автора)

*Но Рыцарь рубит Кощея,
спасает дев от дракона.
Но Рыцарь молчит, не смея
переступить закона.
Он – из другого времени,
где властны железо и бицепсы.
Четвёртое измерение
непостижимо для рыцарства...
Ему – кольчуги и шпаги,
копья, щиты да шлемы.
Где же ему, бедняге,
руку поднять – на Время!..
Не помогут угрозы и премии:
они бессмысленны тут.
– Позвольте, руку – на Время?
Не лучше ли – на Пустоту?!
Нам Время – синоним прозы
житейской – долгой и злой.
А оно – распускает розы
и меняет холод на зной.*

*А оно нас утешит в бедах,
которых – не миновать.
Вот – парадокс Победы:
Время – не убивать!
Время – светло и красиво.
Убейте его убийцу!
Но что это?.. Стих написан,
а Время, как будто – живо!
Секунды сплетает в кружево!..
Отсюда вывод простой:
Поэзия – вот оружие
для победы над пустотой!*

*Победитель – не князь, не рыцарь,
не царевич даже – Поэт.*

Стоп! Оглянитесь пристальней:

Чёрное

Чудовище

Меняет

Цвет!

**Чёрное Чудовище меняет цвет!
Чёрного Чудовища – в природе нет!
Напрочь обрублено четыре хвоста!
В четыре измерения цветёт Мечта!**

1969.

ПОХОД ДОНА ЗАДРЫГЕСА

Дон Бессильо Задрыгес Инфлуэнца-и-Амба, внук покойного гранда Угостиньо Сквернандо, в час ноль-ноль пополудни отбывает сегодня с палестинцами биться ради гроба Господня. И супруга Бессильо, ясноокая Пьянка, пьёт четвёртую склянку (видимо, валерьянку), ведь в Голанских высотах, в духоте inferнальной, долг отдаст дон Задрыгес – интернациональный! Что как злой сарацин уязвит его шпорой, или самаритянка соблазнит мандрагорой, иль забывшего спяну пресвятую идею в нечестивую веру обратят иудеи?..

Час отъезда подходит. Но с громадной бутылью Вдруг является рыцарь дон Свиньяго да-Вилья. Дон Свиньяго до гроба предан дону Бессильо. Вот они уже оба – вместе с этой бутылью. Погоди, дона Пьянка, пить свою валерьянку, дон Задрыгес, пожалуй, выйдет вон – спозаранку. Он, в конце концов, весел, он здоров и свободен! Ну ещё один вечер гроб потерпит Господень! Но, в разгар вакханальи не прошедшие мимо, входят в замок Бессильо два святых пилигрима. Они грозно взирают на напитки и яства. Взор потупил да-Вилья. Инфлуэнце всё ясно. И сказал из них старший:

«Значит, в землю Святую в час ноль-ноль ты не отбыл. Я тебя арестую. Ты ж не только подводишь сам себя и обитель, ты Спасителя, может, сим поступком обидел!..» А другой пилигрим подытожил негромко: «Стыд и срам дезертирам клерикального фронта! Марш на выход с вещами!» Тут супруга вмешалась и спасла дона Амбу, упирая на жалость.

Донна Пьянка сказала: «Дорогие коллеги! Не катите на дона Инфлуэнцу телеги,

ибо дон Инфлуэнца и вот этот – Свиньяго –
получили знаменье, чтоб не делать ни шагу.
Уж и конь был осёдлан, и супруг, беспокоясь,
самолично замкнули мне для верности пояс.
Но завыли собаки, и из ясной лазури
вдруг чего-то сверкнуло, и – грома громыхнули.
Металлический флюгер прямо с крыши сорвался,
и из воздуха ангел златокрылый соткался».
Тут вскричал дон да-Вилья, непотребно икая:
– Это дух, а я думал – это бочка такая!..
Это дух, а не ангел, он как бочка огромный!..
Поднял голову Амба и заметил: «Не помню».
Донна Пьянка сказала: «Флюгер сломан и ладно.
Ангел же оказался духом дона Сквернандо!..
И воскликнул Свиньяго, в кофе соус накапав:
«Мне покойник был должен восемнадцать дукатов.
Значит, он теперь в духах, как и в жизни – повеса:
Не отдал он мне, сука, ни единого песо».
Тут Задрыгес в Свиньягу запустил табуретом:
«Мой прославленный пращур Вами зло оклеветан!
Я такого не помню, хоть стоял с Вами рядом!..
Пилигримы смотрели подозрительным взглядом.
Рвёт Задрыгес перчатку: туговато надета,
дон Свиньяго вскрывает кобуру арбалета,
громко молятся богу два святых пилигрима,
чтобы в ходе дуэли попадали все мимо.
Донна Пьянка в испуге молча руки ломает,
но берёт себя в руки и дрожа продолжает:
«Дух как стукнет об землю электрическим током,
так у нас три коровы до сих пор ходят боком!
И теперь дон Бессильо принимает лекарство,
чтоб не вылететь всеу в преисподнее царство...»
Дон Задрыгес не слышит – колет воздух рапирой,
арбалетные стрелы в креслах делают дыры.
Дон Свиньяго да-Вилья сто из ста где-то выбил,
и любезному другу он готовит погибель...
В это время и вправду небо застили тучи,

засверкало с востока, дунул ветер могучий,
Донна Пьянка как визгнет, что-то в сумочку спрятав:
«Боже! С неба упали восемнадцать дукатов!»
И действительно – деньги показала в ладони.
Тут, оружие бросив, призадумались доны.
Ужаснулись монахи, зазвенела молитва,
и бесславно закончилась неуместная битва.
А дукаты святые пилигримам достались:
ведь не зря же молились, не напрасно старались.
И монахи сказали: «Если так, то конечно.
Неспроста эти штуки, видно, кроется нечто...»
Им лекарства налили и поесть дали тоже,
ведь лекарство, оно же – профилактика всё же!
И поев, пилигримы двое суток молились,
и постом очищались, и потом удалились.
И ушёл дон Свиныаго, этот доблестный рыцарь,
не забыв с донной Пьянкой прегалантно проститься.
Пролетело три года удручающим мигом.
Гроб Господень как прежде – под языческим игом.
На замок заперт замок. Пилигримы забыты.
Донна Пьянка в запарке: то шитьё, то корыто...
Дон Бессильо Задрыгес Инфлуэнца-и-Амба
вечерами играет на *viola da gamba*,
принимает лекарство, пребывает в сомненье:
То ли было знаменье? То ли будет знаменье?..
1987

ПОЕДИНОК

Мария Ильинична с Анной Петровной
пьют чай с чем попало и дышат неровно.
Пред ними мерцает экран голубой.
На нём разгорается бой.
Там Анны Петровны единственный Паша
с любимцем Марии Ильиничны Сашей
(красавцы, спортсмены и кровь с молоком!)
друг другу грозят кулаком.
Давно ли друзей одного от другого
развёл по углам тренирующий Вова!
И вот они встали врагами на ринг,
надеясь на хук или свинг.
Движения Саши изысканно грубы,
но Пашины губы поджаты сугубо.
Ух, Паша! Он ранний, хоть из молодых.
И вдруг – ударяет под дых!
Мария Ильинична шепчет бескровно:
– Твоё воспитание, Анна Петровна,
всегда, извини, оставляло желать...
Не стыдно тебе? Ведь я – мать!
Лишь Анна Петровна вздохнула притворно
и к блюдцу склонилась, поникшая скорбно,
очухался Саша, подпрыгнул, и вот –
успешно провёл апперкот.
Да! Так хорошо не лупил никогда он!
Противник повержен в глубокий нокаун.
К нему моментально спешит рефери,
считает своё раз-два-три.
А Анна Петровна привязана к сыну,
и через антенну, как сквозь пуповину,
она ощутила ужасный удар
и речи утратила дар.
Грядёт поражение Пашино. Девять.
Но Паша, на лучшее всё же надеясь,
встаёт, и тот Вова трепещет в углу,
и гонг прерывает игру.

Вот так, с напряжением, нами воспетым,
проходит турнир с переменным успехом.
Удары, свистки, восклицания, клинч
и гонга воинственный клич.

А в кухне два кадра забытой конторы
согласно гадают: который, который??
Считают, что лучше бы был волейбол
и кушают свой валидол.

А я бы сказал им: «Бабули, не надо!
Неважно, кому из них светит награда.
А важно, что чем бы ни кончился спор –
с победой останется – Спорт!»

1989

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Серёга, мой бывший приятель,
дня на три расстался с женой,
и, времени даром не тратя,
подался к знакомой к одной.

Красуля по имени Света,
не кто-нибудь там, а завмаг.
Её и любили за это –
ввиду ожидаемых благ.

Вот Светка расставила чарки
и, телом владея вполне,
его принимала по-царски
в пленительном дезабилье

в то время, как в стационаре
студент-хорошист Раппопорт
супругу Серёгину, Валю,
проходит по теме «*аборт*».

Когда же наутро Аврора
вполнеба раздула пожар,
Серёга икнул с перебора
и рысью в сортир побежал.

Вернулся, а Светка одета,
узорный платок на плечах,
красивая, словно Одетта
в балете Петра Ильича.

Вдруг боль за супругу в палате
пронзила Серёгу иглой.
Но Светка ответила: «Хватит!»
и стала противной и злой.

«Гони, дорогуша, полтыщи
за кофей, постель и коньяк!..»
А он был влюблённый почти что,
т.е. думал, что это за так.

А Светка, как ангел, невинна,
ему говорит: «Не жидись,
не то твоя щуплая мымра
узнает, где был ты надысь».

Зверея от слов этих яда,
Серёга бледнеет, как смерть,
и сам, вероломнее Яго,
сплетает коварную сеть.

«Плачу чистоганом, – сказал он, –
кусай хошь на зуб, хошь на вес».
Пятёрку у кореша занял
и кинулся в ОБХСС.

«Товарищи, баба болеет,
сидит без обеда семья.
А взяточники всё наглеют,
ведь это прямая статья.

Я сам семьянин, экономен,
завкома действительный член...»
И вот зафиксирован номер
в купюре – известно зачем.

За Светкой приходит охрана,
под белые руки берёт.
И вновь продолжается драма,
в которой безмолвен народ.

Напрасно в ментовке рыдала,
двоим конвоирам дала...
Три года судья намотала
девчонке за эти дела.

Ой, девки, живите скромнее,
разврат не держите в уме.
Вот всё, что сказать я сумею
в коротком моём резюме.

1995

МИХАЛНА И ОСИПЫЧ

И говорит Михална Осипычу

(они на лавочке сидят над прудом):

– Эх, нам бы, Осипыч, с тобой кирпичу какой бы мы с тобой отгрохали дом!..

– Ты что, Михална, заболела? Окстись!

Тебе трёхкомнатная разве мала!

Ты только вспомни, у Петровны надысь фазенда полностью сгорела, дотла.

– Ты мне Петровну непутёву не тычь.

Она же, дура, не промазала брус.

Тем боле, я ж тебе талдычу: *кир-пич!*

Огнеупорный!.. Нет, ты слышала, Дусь?

(Тут Евдокия шкандыбает с мешком):

– Слышать-то слышу, только в толк не возьму.

Огнеупорный чтой-то мне не знаком.

– А ты куда? – Морковь на рынок везу.

– Почём морковка-то?.. Гляди, одна шваль.

– С ботвой дороже, за кило четвертак.

– А если оптом? – это Осипыч встрял.

– А если оптом, то бери хошь за так.

– Михална, слышь, дают ботву задарма!

– Ну, размечтался, держи ширше карман.

Трухою ейною набьёшь закрома

в ущерб высококалорийным кормам!..

– Нет, баба Дуся, тут выходит облом.

Твоей морковки дармовой не хочю.

Вот мы с Михалной бы отгрохали дом, дак не укупишь ни хера кирпичу...

1999

БУХБАЛЛАДА

Kennst du das alte Liedchen?

Н. Heine

Ты знаешь ли старую песню?

Г. Гейне

Жила-была дева бухгалтер,
лицом и фигурой складна.
Царила в коммерческом гвалте,
а дома скучала одна.
Была не знакома с развратом,
девицам иным не в пример,
и зря к ней ходил инкассатор,
в кармане храня револьвер.
Собрав не растраченный в сферах
финансовых девичий пыл,
она полюбила курьера,
который дискеты носил.
Как только он вынет дискету
и вставит её в аппарат,
ей чудится, будто бы это –
бесценный любви дубликат.
И девушке с тонкой натурой
охота компьютером стать
с нетронутой клавиатурой
и принтером застрекотать.
Но стресс для бухгалтера вреден.
главбух ей грозит кулаком.
И дебет заходит за кредит,
пуская баланс кувырком.
Прокручены в *сальдо мортале*,
проценты слагаются в стих.
А прибыль в текущем квартале –
ноль целых и ноль остальных.
Курьер пресловутый к тому же
то ваньку валяет, а то –

клинически верного мужа,
каким не бывает никто.
Пред девушкой в полную меру
проблема: чего предпочесть –
карьеру, иль кинуть курьеру
коварному девичью честь.
Да если бы честь эту взял он –
другой бы тогда поворот.
А этот безумный раззява,
пожалуй, и мимо пройдёт.
Что делать – неясно, хоть тресни.
вся жизнь, словно тягостный сон.
Ах, эта неновая песня
опять с нехорошим концом.
Вот близится дело к развязке.
Берёт инкассатор наган.
К курьеру идёт без опаски,
а тот убегает, болван!
Бухгалтерша юная в шоке.
Мужской элемент налицо.
И приобретённое в *шопе*
блестит золотое кольцо.
Весь офис готовится к свадьбе,
есть выпить и есть закусить.
Ах, мне бы на ней погулять бы!..
но надо дискеты носить.

1995

АДАМ & ЕВА

Мальчик любит механизмы, например, автомобили.
Или, скажем, дирижабли, арифмометры, безмен.
А девчонка – мех куницы и купальники *бикини*,
шоколад, *джакузи*, вафли и цветочки «цикламен».

Мальчик с девочкой друг друга любят крепко, бескорыстно,
нежно, пламенно и чисто – сорок тысяч братьев как.
У Адама мать стряпуха, папа Евы замминистра,
и они равны почти что в отношении прав и благ.

С папой мальчика гутарят незатейливые гости:
дядя Федя, дядя Слава, и поёт Бюль-Бюль Оглы.
Мама Евы очень мило реагирует на тосты,
и поют Хаванагилу Полномочные Послы...

А в саду, под смоковницей, происходит объяснение:
Адик Евиной мамаше излагает существо
дела, то есть, что девица – *в интересном положении*:
– Я женюсь на дочке Вашей – от меня она... *того*...

Гаснет лампочка Чубайса, нашатырь несут к сараю.
Предки Евы в лёгком шоке, мать в слезах, отец скорбит...
– *Ты давай не залупайся, или щас накостыляю*, –
Николай Иванович, шофер, вдруг Адаму говорит.

А одна чумная тётка из соседнего аула,
балаболка и кокетка, шеф бригады кастелянш,
приглашённая на сходку, вдруг подружкам сказала
непонятное словечко, что-то вроде «межалянц».

– Да, фамилия мудрёна, иностранная, должно быть, –
ей ответила Матрёна тридцати неполных лет.
– Тут всю жизнь до пенсионера надорвёшь здоровье гробить! –
в разговор ввязался Лёня, работяга и брюнет.

Вдруг из дома вылетает депутат районной Думы,
а за ним его помощник, волосатый психопат,
и устраивают танец перед группой угрюмой,
и, как будто бы нарочно, всё икают невпопад...

Папа нервничает, тенью в голове темнеют мысли:
«Только нам и не хватает, что кухаркиных детей!»
(Но по мере рассужденья он всё ближе к компромиссу,
по порядку отсекая возраженья всех мастей.)

«Он, наверное, корыстный, подбирается к машине,
он же любит это дело, нам все уши прожужжал, –
размышляет замминистра в современном мезонине. –
Евка дура залетела, словно ласточка в подвал!»

В отдаленье шум вокзала, майский день, почти что летний...
Сизокрылую голубку топчет турман ухажёр...
Вот и Ева пробежала – ничего и не заметно...
«Может, это просто шутка?» – Папа прямо поражён...

«Не при чём тут этот чудик. Тут какой-то шахер-махер!..
Гнать!..» Но тут же отвергает соблазнительную мысль:
– Бракосочетанье – будет. Ты был шофер? – Будешь шафер!
Ровно в полдень четверга. Мать, перестань рыдать, уймись!

Утирает мама глазки, видимо, переживает,
сам папаша руководство в руки цепкие берёт:
прикупить чуть-чуть припасов добровольцев посылает –
коньячку, винца и водки, ананасов, пива, шпрот...

И невеста, подплывая, как какая-нибудь лебедь,
в высочайшего пошиба индпошива ателье,
два-три ватных одеяла (сны приватные лелеять)
получает; плюс на выбор: абажур или кольцо.

Взять – фату, колечки-брошки, платье белое льняное,
для подушек тонну пуха – жаждет жадный Гименей.
Дом кренится и клокочет, как ковчег известный Ноя.
Та, которая стряпуха, стала всех теперь главней.

Квасит красную капусту, рубит мясо дорогое.
А четверг вот-вот настанет за текущую средой!..

*Я, возможно, сочиню стихотворение другое,
там и будет описанье ихней жизни молодой.*

2003

ТРАМВАЙНАЯ ИСТОРИЯ

*Они едут и не знают, какая между ними связь,
и не узнают до самой смерти.*

Д.Хармс

...мамаша в розовом, папаша в кителе...

А.Воркунов

Жил в Москве на Соколе среди местных жителей
очень уважительный тихий человечиска.

Не работал во поле, не сражался (в кителе),
не бузил в подпитии, не якшался с нечистью.

Не дружил с бандитами, не стремился в главные,
и делами славными даже не бравировал.

Сообщал водителю о вещах оставленных,

О ВЕЩАХ, ОСТАВЛЕННЫХ ДРУГИМИ Пассажирами.

Вот, однажды дедушка, вот однажды миленький
посмотреть могильники ехал на Ваганьково.

Рядом села девушка возле поликлиники
в пирсинге, с мобильником – очень элегантная.

Дедка подобрался весь: старичок, а – хочется
с этой переводчицей или медсестричкою...

Косит глазом ласково, тайно «шипром» мочится,
ковыряет дочиста под ногтями спичкою.

А она-то, скромница, тютелька на пузике,
плеер в ухе: музыка (кажется, ТаТу поёт).

То мелькнёт, то скроется поясочек узенький.

Дед мурлычет в усики и сидит, не пукает.

Солнце улыбается – весь трамвайчик щурится.

Беговая улица; ну, а ей – на Выхино...

И встаёт, красавица, и шагает, умница,

бодро, не сутулится – в направленье выхода.

Стихло пенье плеера. Плачет грусти дудочка.

Взоры шлёт дедулечка из окошек-форточек.

Брякнув ожерелием, исчезает, душечка,

и не знает, дурочка, что забыла свёрточек.

Хоть совсем не страшен он, позабытый прямо на том же месте с пряником или с бутербродами, всё же ошарашенно публика отпрянула: свёрток ведь, как правило – бомба водородная!..

Тут мужчина с Сокола смело и уверенно прямо за ремень его – хватать, и сдал водителю! Публика заохала с дрожью переменною, глядя, тем не менее, очень подозрительно.

Ну, а шеф глазел себе в круг обзора заднего. Эта егоза его тоже ведь *окучила*. Да куда он делся бы, мчавший нога за ногу!.. Как родился заново по такому случаю...

Вот прошло два месяца или что-то около. Тот, который с Сокола, получает пенсию. Скоро лето сменится непогодой мокрою, тыквами да свёклами – лепесточки-пестики.

Пролетят автобусы вдоль Песчаной площади и листву засохшую растревожат, красную. А его зазнобушку (то есть, с дедом общую) не увидать больше им – ни пешком, ни в транспорте...

Не спешит за сумкою... Ожиданье – нудное! – Вскрыть! – решенье мудрое, мужика – не мальчика. Диск компактный (с Умкою), пудреница (с пудрою) да записка скудная: «Дорогая Лялечка!..»

Но недаром сказано, что в премногом знании всё-то несказанное горечью пронизано. Например, завбазою: всё химичит с замами, позабыл лобзания: знает, что – ревизия!

А одна букашечка на каблук безжалостный безмятежно пялится, хоть не очень пряткая... Ну, короче, наша-то дорогая Лялечка: раз-два, и – пожалуйста! Вот она, смотрите-ка!

С тем же самым плеером, с тою же наколкою:
справа роза колкая, слева – профиль Путина.
В отраженье клеенный, шеф – как вшит иглокою.
Ну и дед в бейсболке тут, но шарфóм закутанный...
Скорости – курьерские, как в небесном лайнере,
тут – склады́ бескрайние, там – заводы-фабрики,
сквозь рекламы мерзкие – вести завиральные:
там проходят *праймериз*, тут кукуют зяблики...
Как в хорошем триллере собралась вся троица.
Каждый беспокоится за своё, наверное.
Вскользь, как по намыленному, мчит вагон, торопится...
Чем это закончится, никому неведомо.

2006

ЛУННОЕ

Лере Римской

Сначала заходит вечернее солнце
туда, за дома.

Потом пробегают зелёные зайцы
в тугих проводах.

И вот из-за труб на востоке крадётся
в тугих проводах

большая Луна и лучи посылает
туда, за дома.

Тогда раскрываются окна ночные –
одно за другим.

И мы на карнизы выходим ночные –
один за другим.

И, взором зелёным стараясь проникнуть
туда, за дома,
легко, как зелёные зайцы, мы мчимся
в тугих проводах.

Готовые смутные игры затеять
в тугих проводах,
мы зайцев зелёных пугаем и гоним
туда, за дома.

Большая Луна нам лучи посылает,
один за другим,
и мы в её сторону движемся ровно –
один за другим.

Но выскочит розовый заяц с востока
в тугих проводах.

Большая Луна поплывёт, угасая,
туда, за дома.

И мы повернёмся по лунному зову
один за другим
и медленно вдаль заскользим проводами,
туда, за дома.

1969

КОГОРТА МУЖЧИН

Максим шёл вприпрыжку, Кирилл – тяжело, как пахал.
За ними иные копьём или пикой бряцали.
Их не *догоняя*, брёл старенький микроцефал
Он был Анатоль. Это так его вычурно звали.
Они отправлялись найти неизвестно чего.
«Охота на Снарка» припомнилась мне беспричинно.
Максим был кудрявым, Кирилл был солидный мужчина.
Был лыс Анатоль. Это было смешнее всего.
Максим – музыкант. Привлекал его, значит, вокал.
Он пел постоянно: на кухне, в сортире, *на пашне*...
Кирилл – посолидней. Усы окуная в бокал,
он был громовержец, как Зевс небольшой и домашний.
Максим и Кирилл, и другие – в них сила и стать.
И цель им сияла подобно дневному светилу.
А что Анатоль! Уж ему-то вообще *не светило*...
Но он вслед за ними тащился и тщился *догнать*.
Максим увидел на холме неожиданный свет.
Пустился наверх, и Кирилл с остальными – туда же.
Вдруг встал Анатоль. Он же *ветхий*, как Ветхий Завет.
Не зная, бежать или нет, он не дёрнулся даже.
Но группа спустилась: сияние было – мираж.
А бой с миражами не прочил им бранную славу.
Ах, передохнуть бы!.. Да где там, они впали в раж.
И лишь Анатоль не полез и соснул на халяву...
Пошли. Вечерело. Но чаша раздвинулась вдруг.
Блеснула вода! – Это озеро?.. Может быть, море?..
Им, что же, туда?.. Но ответа не дал Демиург,
и все остальные смолчали (как я в разговоре).
Решили, что ночью в воде не найдут ни хрена,
вдоль берега двинулись по каменистой дороге.
Один Анатоль заупрямился – шли бы вы *на!*.. –
но зря проискал два часа, только вымочил ноги.
Наутро друзья и соперники двинулись врозь.
Один на дороге нашёл златовласую фею
и что-то с ней сделал такое, что после хоть брось,
да он и забросил её, раскрутив посильнее,

на дерево иву. Компания дальше пошла,
а фея орала, как кошка и грязно ругалась.
Сказал Анатолий: «Надоело мне это «ла-ла»!
Прибавим-ка шагу хотя бы на самую малость!»
Потом второпях Анатолий наступил на ежа;
Кирилл головой обломил здоровенную ветку
дубовую; люди утратили часть куража;
был послан Максим ради общего блага в разведку...
И много других приключений случилось и хохм –
да, собственно, именно их-то они и искали! –
пока не наткнулись опять на неведомый холм.
И поняли вдруг: это – тут. И, как вкопаны, встали.
Потом разошлись, кто на запад, а кто на восток,
на север, на юг и в иных направлениях тоже.
Был в душах у всех в предвкушенье успеха восторг.
И кто-то исторг даже вопль, и морозом по коже
тот вопль отозвался у прочих. Ускорили шаг
и, пики подняв, обнажив и другое оружие,
друг друга из виду они потеряли, спеша
не глядя хватать то, что нужно и то, что не нужно.
Вот что-то *надыбав*, Максим удалился в кусты.
За ним и Кирилл свою долю добыл дорогию.
Ну что же, Толян, без трофея пока только ты.
Давай, старичок, нажимай, я тебя пострахую.

2008

СТАРЫЙ АНЕКДОТ

Интеллигент пришёл в бордель
(намеренье – тая).

И перед ним открылась дверь
гостеприимная.

С ним шёл один (его *щас* нет)
ухватистый пацан.

– Эй, погоди! Ты где, сосед? –
В гостях! У двух путан!!

Ну, ладно. В офисе пустом
два входа перед ним.
«Для страстных» (там соседа стон),
второй же – остальным.

– Нет, я не страстный... Мне подстать
для малахольных дверь...
Но там – прихожая опять,
и снова двери две.

«Для сильных» – надпись на одной...
Похоже, дело швах.
И, рефлексирюя, герой
в другую правит шаг.

Но там пред выбором опять
стоит интеллигент.
Теперь он должен указать,
богат он, или нет.

Он – беден. Что ж! И к *цели* мчась,
толкнул, рукою твёрд,
для *бедных* дверь... «Ну, вот! Сейчас!..»
И – вышел в тёмный двор...

Ясна, казалось бы, мораль:
зазря не *рефлексуй*.
Ты – царь зверей, войди и вжарь!
Коли, руби и суй!..

– Ну, не скажи, – тут вдруг изрёк
мой внутренний фальцет, –
Гляди, циничный друг наш лёг,
к хирургу под ланцет.

И встанет он на костыли,
душой и телом хвор,
а мы с тобой легко ушли
через помойный двор!

2013

БАЛЛАДА О СТАРУШКАХ

В древнем стрельчатом замке не привиденья бродят –
чёртова дюжина монстров трётся у толстых стен.
Самая страшная мымра роется в огороде.
Самая старшая мымра трескает седуксен.
Чудища пляшут в залах, в сумеречных проходах,
мажут по стёклам рожи, воют, грозя перстом...
А возле старого замка так безмятежна природа,
будто в саду не стыннут ступы для этих персон.
Замок гудит и стонет, дым летит коромыслом.
Эзотерически точен строгий и злой устав.
В воздухе чертят лапы знаки со скрытым смыслом.
В кухне булькает пойло из смертоносных трав.

В это самое время в роще неподалёку
в трёх развесистых липах зацикливаясь с утра,
замужняя дама с сыном (вот она, подоплёка!)
чувствует неожиданно необъяснимый страх.
Странный и резкий запах даме пронзает ноздри.
Мальчик ослабевает – транс? летаргия? сон?..
Крестообразным телом, затвердев становится воздух.
Наподобие центробежной – сила влечёт их вон!

.....

Им улыбаются в замке ласковые старушки.
Юные пионеры режут лимоны в чай.
Но после ихнего чая чары-то фиг разрушишь...
Ну, и они поддаются действию оных чар.С этого
места текста так и разит Ланцелотом –
вот кто разит и мочит – боли не причиня.
– Где же добыть такого? – А он, извиняюсь, вот он.
Нынче за Ланцелота рыцарем лично я.
МНЕ помогают тайно духи земли и неба:
кепочка-невидимка, как его... *кладенец*...
Ух, пофехтуем классно! Выпады вправо, влево –
тут и придёт им, гадам, требуемый конец!..
Впрочем, рассказ для взрослых, значит, не надо чуда.
И не с руки мне биться заговорным копьём.

Тайная мощь – позорна! Заклятую прочь кольчугу!
Компьютер бы! А то больно рутины велик объём.
Чем же, однако, драться? Духи не помогли мне...
Ну, приравняю к стержню гуманитарный штык...
Я им стихом бы вмазал (он тем более длинный),
но – как душа от тела – от них отлетает стих.
Ведьмы меж тем не дремлют

1990

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТИНА.....	3
ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ.....	9
ПОХОД ДОНА ЗАДРЫГЕСА.....	14
ПОЕДИНОК.....	17
ГОРОДСКОЙ РОМАНС.....	19
МИХАЛНА И ОСИПЫЧ.....	21
БУХБАЛЛАДА.....	22
АДАМ & ЕВА.....	24
ТРАМВАЙНАЯ ИСТОРИЯ.....	26
ЛУННОЕ.....	29
КОГОРТА МУЖЧИН.....	30
СТАРЫЙ АНЕКДОТ.....	32
БАЛЛАДА О СТАРУШКАХ.....	34

ВОЛОВИК

СЮЖЕТЫ

Стихи

Текст публикуется в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: Александр Воловик

Подписано в печать 31.03.2016.
Гарнитура Verdana. Бумага офсетная.
Печать трафаретная.

ИД «ВРУЧНУЮ»